

Шэнь Цинчжоу и Мэн Сю стремительно направлялись к Куньлуню. Как они и предполагали, человек в белом не сделал ни единой попытки преградить им путь.

— Дядюшка Шэнь, — с беспокойством в голосе спросил Мэн Сю, — как думаешь, этот тип в траурных одеждах не решит покончить с Синтянем?

— Траурный? — Шэнь Цинчжоу на миг опешил, прежде чем сообразил, о ком речь. — Возможно. И все же сейчас важнее отыскать Си-ван-му. А с Синтянем... вряд ли мы способны ему чем-то помочь.

Мэн Сю тяжело вздохнул, напустив на свое юное лицо не по годам суровую серьезность:

— Какого же уровня достиг этот человек в белом? Какова его истинная сила?

Шэнь Цинчжоу лишь молча покачал головой. Он не сходился с тем таинственным практиком лицом к лицу, а потому не мог судить о его могуществе.

— Куньлунь давно превратился в запретные земли, — подал голос Мэн Сю. — Сможем ли мы вообще отыскать Нефритовую гору?

— Сможем, — уверенно отозвался Шэнь Цинчжоу. — Синтянь передал мне надежного проводника. С его помощью мы обойдем любые преграды и запреты Куньлуня.

Этим проводником, разумеется, служила похожая на осколок льда Нефритовая скрижаль Гор и Морей. Какими бы сокрушительными ни были наложенные на Куньлунь запреты, они не посмели бы преградить путь самой Си-ван-му. Заручившись поддержкой ее истинной души, они могли беспрепятственно ступить в легендарную обитель богов.

— А как же... тот мэнци, которого ты приручил? — внезапно вспомнил Мэн Сю.

Шэнь Цинчжоу мягко улыбнулся:

— Я не скрываю своей ауры, так что он непременно найдет дорогу по следу. Нам же лучше поторопиться.

Направляясь на юго-запад, Шэнь Цинчжоу вовсю задействовал духовные силы, стремительной тенью проносясь сквозь леса и ущелья. Он словно изначально не сомневался, что спутник поспеет за ним, и ни разу не замедлил ход, чтобы подождать этого якобы «обычного человека».

Мэн Сю лишь горько усмехнулся про себя.

Очевидно, глава павильона Шэнь давно разгадал его секрет и прекрасно понимал, что духовные силы юноши вовсе не иссякли. Наверняка он догадывался и о причинах, заставивших Мэн Сю скрывать свое мастерство. Но теперь, когда они держали путь в смертельно опасные дебри Куньлуня, притворяться дальше не имело никакого смысла.

Мэн Сю сделал несколько размашистых шагов, мгновенно нагнал Шэнь Цинчжоу и без малейших усилий поравнялся с ним.

Полет на мече сэкономил бы им немало времени, однако у Мэн Сю при себе не было духовного клинка — а лететь верхом на топоре Синтяня казалось затеей весьма сомнительной. Что же касается Шэнь Цинчжоу, то он лишь недавно пробился на позднюю ступень стадии преобразования эссенции в ци и еще не успел толком освоить искусство полета, так что бегом у него выходило едва ли не быстрее.

Одолев тысячи ли и добравшись наконец до рубежей великого Куньлуня, Мэн Сю вновь помрачнел, глядя на бесконечную череду вздымающихся к небу хребтов.

Горы тянулись извилистой грядой, громоздясь одна над другой. Укрытые плотным снежным саваном, сверкающим подобно белому нефриту, они напоминали серебряного дракона, распростершегося посреди бескрайней равнины. Острые пики, точно обнаженные клинки, вонзались прямо в низкое лазурное небо.

Величественный Куньлунь уходил вершинами в запредельные выси. Накатывающие от него волны чистейшей первозданной энергии омывали саму душу, внушая благоговейный трепет перед этим диким, исполинским творением.

Глядя на укутанные снегами кручи, Шэнь Цинчжоу вдруг ощутил странную, непреодолимую тягу к этим местам — словно зов крови. Каждая прядь его волос, каждый дюйм плоти, каждая капля в жилах затрепетали от неведомого ранее восторга, созвучного с тихой радостью возвращения домой.

Куньюй. Куньлуньский нефрит.

Неужели когда-то его жизнь была неразрывно связана с этими хребтами? Или его истинное происхождение берет начало в недрах священной горы?

Охваченный бурей чувств, Шэнь Цинчжоу долго стоял неподвижно, всматриваясь в уходящие за горизонт исполинские вершины, не в силах проронить ни слова.

Заметив, что спутник застыл, Мэн Сю осторожно обошел его и сделал медленный, пробный шаг в сторону подножия. Для нынешних практиков эта невидимая черта была пределом: любой, кто дерзнет ступить дальше, неизбежно навлечет на себя гнев древних чар Куньлуня. Выбор у незваных гостей оставался невелик — либо отступить, либо погибнуть.

Очнувшись от раздумий и увидев, что Мэн Сю напропалую устремился вперед, Шэнь Цинчжоу похолодел от ужаса. Позабыв о всяком приличии, он резко рванулся к юноше, ухватил его за шиворот и силой оттащил назад.

— Жить надоело?!

— Отчего же, жизнь мне весьма дорога, — Мэн Сю смущенно потер кончик носа. — Просто безумно хотелось проверить, на что похожи здешние барьеры.

Шэнь Цинчжоу сердито воззрился на него, однако Мэн Сю не принадлежал к младшему поколению семьи Цинь, так что отчитывать его как мальчишку не следовало. Мысленно махнув рукой на его безрассудство, Шэнь Цинчжоу обреченно прикрыл глаза и достал из-за пазухи оставленный Синтянем осколок скрижали Гор и Морей.

Мэн Сю скосил взгляд на вещицу:

— Это и есть...

— Да, это тот самый знак, что дал мне Синтянь. Он откроет нам путь к Нефритовой горе, где покоится Си-ван-му, — пояснил Шэнь Цинчжоу.

С этими словами он бережно поднял ладонь со скрижалю и медленно направил в нее тонкую струйку духовной силы. Словно иссохшая земля, жаждущая живительной влаги, артефакт принялся жадно впитывать энергию Шэнь Цинчжоу. Скрижаль становилась все холоднее на ощупь, пока окончательно не превратилась в подобие куска нетающего векового льда.

Пока Шэнь Цинчжоу сосредоточенно пытался наладить связь с дремлющей в артефакте истинной душой Си-ван-му, Мэн Сю внезапно покачнулся. Он в мгновение ока побледнел, а сам он едва удержался на ногах, готовый рухнуть на заснеженную землю.

— Что с тобой? Раны дали о себе знать? — обеспокоенный Шэнь Цинчжоу тут же подхватил юношу под руку, намереваясь влить в его каналы немного собственной силы, однако Мэн Сю из последних сил высвободился и оттолкнул его.

Шэнь Цинчжоу удивленно нахмурился:

— Цзыци?

— Прошу прощения... но дядюшка Шэнь, умоляю, отойди от меня на пару шагов, — Мэн Сю зажмурился и согнулся пополам. Одну руку он мертвой хваткой прижал к животу, а пальцы другой сложил в жест меча, приставив к межбровью.

С каждым его рваным выдохом в морозный воздух вырывались клубы концентрированной духовной энергии. Внутри его меридианов бушевал настоящий шторм; лицо покрылось крупными каплями пота, которые, срываясь вниз, мгновенно замерзали на ледяном ветру крошечными градинами.

Шэнь Цинчжоу хватило одного взгляда на его позу, чтобы понять, в чем дело:

— Твое море ци...

— Все в порядке! — сквозь зубы процедил Мэн Сю, подавляя стон. — Просто... сделай шаг назад, дядюшка Шэнь! Пожалуйста!

Видит небо, стоило Шэнь Цинчжоу извлечь скиржал, как топор Синтяня, запечатанный в теле Мэн Сю, пришел в неопишное неистовство. С трудом усмиренное оружие начало рваться наружу, упрямо устремляясь в его сторону.

А когда Шэнь Цинчжоу высвободил собственную ауру, древний топор и вовсе обезумел от радости. Будто слепой птенец, почувавший тепло родного гнезда, он всеми силами пытался вырваться из плена чужого моря ци, чтобы воссоединиться со своим истинным господином.

Шэнь Цинчжоу, хоть и не понимал истинных причин происходящего, спорить не стал и поспешно отступил на несколько шагов назад.

«Проклятье...» — выругался про себя Мэн Сю, собирая остатки воли, дабы наложить новые печати на бунтующее оружие. Сам Синтянь признал его, Мэн Сю, новым владельцем топора, но эта упрямая железка все равно норовила сбежать к Шэнь Цинчжоу. Почему этот древний артефакт выказывал такую преданность совершенно постороннему человеку?

Мэн Сю искоса поглядел на взволнованного Шэнь Цинчжоу. В его голове не укладывалось: сначала тот легендарный меч, теперь топор Синтяня... Почему величайшие реликвии древности липнут к нему одна за другой? Что в нем такого особенного, чего нет у самого Мэн Сю?

Не из-за смазливового же лица, в самом деле?

Убедившись, что юноша более-менее пришел в себя, Шэнь Цинчжоу вновь сосредоточил все внимание на холодной скиржали.

Направляя духовные токи сквозь полупрозрачный камень, он явственно ощутил сокрытую внутри ауру — нечто запредельно холодное, пропитанное первозданной жаждой битвы. Даже лишённая злого умысла, эта сила заставляла волосы на теле вставать дыбом от первобытного ужаса.

Однако вместе со страхом Шэнь Цинчжоу ощутил и глубокое, щемящее чувство дежавю. Повинуясь внезапному внутреннему порыву, он интуитивно облек своей энергией чужую незащищенную истинную душу, медленно и бережно вытягивая ее из недр нефритовой плитки.

Похожим образом Чжоу Фу когда-то извлекал заклинание Тай-цзу династии Ян.

Но до непревзойденной легкости Чжоу Фу ему было еще далеко. В тот миг, когда истинная душа Си-ван-му наконец отделилась от скрижали, все тело Шэнь Цинчжоу пронзила острая, изнуряющая усталость, а в висках застучало так, словно туда били крошечные молоточки.

«Мне еще учиться и учиться», — смиренно подумал он.

Мысленно велев себе не заноситься, Шэнь Цинчжоу опустил взгляд на раскрытую ладонь. Пред ним наконец предстала истинная душа владычицы Запада.

То был полураскрывшийся бутон персикового цвета — нежный, хрупкий и неописуемо прекрасный. Шэнь Цинчжоу держал его с величайшей осторожностью, словно на его ладони покоилась судьба всех окрестных земель и самого великого Куньлуня.

— И это... истинная душа Си-ван-му? — Мэн Сю не рискнул подходить ближе и лишь завороченно наблюдал за бутоном издалека.

Истинная душа рождается в глубинах сознания и служит его высшим проявлением. На пути к бессмертию практики неустанно закаляют свои три гунь и семь по, возвращая их силу, ведь только тот, чья истинная душа обрела плотность, может величать себя истинным небожителем.

А Си-ван-му, вне всяких сомнений, издревле принадлежала к лику высших божеств.

Рассматривая нежные лепестки, Шэнь Цинчжоу неожиданно для самого себя тихо спросил:

— Но почему именно цветок персика?

Богиня священного Куньлуня, повелевающая вечными снегами и ледяными ветрами, воплотилась в образе хрупкого весеннего цветка — это казалось Шэнь Цинчжоу непостижимой загадкой.

— Да какая разница? Может, она просто жаловала эти цветы, — отмахнулся Мэн Сю, искренне не понимая вечной привычки спутника искать во всем скрытый смысл. — Не забивай себе голову всякой чепухой, пойдем скорее.

Шэнь Цинчжоу поспешил отогнать нахлынувшие сомнения и тепло улыбнулся:

— Твоя правда. Идем.

Бутон медленно оторвался от его ладони и взмыл ввысь, окутав путников мягким сиянием предзакатного солнца. Вокруг них соткался полупрозрачный защитный барьер, уберегший их от удушающей ауры священных круч.

— Поразительно! — восхищенно выдохнул Мэн Сю, не удержавшись от искушения коснуться пальцами переливающейся дымки.

— Сбавь шаг, — предостерег его Шэнь Цинчжоу. — И держись поближе ко мне.

По мере того как они приближались к подножию, лазурный купол небес внезапно расколол звонкий, хрустальный птичий клетот. Этот чистый звук долетел из заоблачных далей, прокатившись эхом над бескрайними заснеженными ущельями.

— Неужто... — Шэнь Цинчжоу задумчиво устремил взор к небесам.

— Нас встречают! — радостно воскликнул Мэн Сю и, вскинув руку, принялся вовсю махать в сторону заоблачной выси: — Эй! Мы здесь! Сюда!

«Какое безрассудство!» — мысленно выругался Шэнь Цинчжоу.

На этих высотах не водилось простых созданий. Если бы пришелец оказался настроен враждебно, крики Мэн Сю стали бы отличной мишенью для удара. Но перехватить мальчишку Шэнь Цинчжоу уже не успел.

Вскоре сквозь облака пробился крошечный силуэт размером едва ли больше воробья. Сделав несколько плавных кругов, птица, волоча за собой длинные изящные хвостовые перья, стрелой ринулась прямо к ним.

Лишь когда она опустилась ниже, путники разглядели ее дивный облик: глубокий синий окрас крыльев переходил в алый хохолок на макушке, а по бокам крошечной головки горели две яркие багряные отметины. Птица казалась невесомой, а ее глазки-бусины отливали антрацитовым блеском.

Мягко взмахнув крыльями и подняв легкий вихрь из снежной пыли, она зависла прямо перед лицом Шэнь Цинчжоу и, забавно склонив голову набок, принялась пристально его разглядывать.

Позабыв о недавнем недовольстве, Шэнь Цинчжоу невольно улыбнулся и протянул руку. Доверчивая вестница тут же вспорхнула и уселась ему на предплечье.

Сяо Ли вострепнулся, изящно изогнул шею, оправляя перья острым клювом, и вдруг заговорил. Голос его звучал на удивление звонко и чисто, точь-в-точь как у юной девушки:

— А я-то боялся, что обознался! Вы действительно вернулись, почтенный Куньюй!

Улыбка вмиг сошла с лица Шэнь Цинчжоу.

«И ты меня знаешь?! Неужто мое прошлое и впрямь сокрыто в этих горах?»

— Даже птицы знают тебя в лицо? — Мэн Сю опешил пуще прежнего. Он переводил ошеломленный взгляд с синекрылой вестницы на Шэнь Цинчжоу и обратно.

В этот момент Мэн Сю в очередной раз усомнился в рассказах отца. И этого человека в мире людей величали «бесталанной посредственностью»?!

Меж тем Сяо Ли повернул голову к Мэн Сю. В его крошечных глазках отразилось искреннее недоумение:

— А ты еще кто такой? Я тебя не знаю. И хозяйка тебя тоже не знает.

Шэнь Цинчжоу негромко кашлянул, возвращая внимание собеседницы:

— Это Мэн Цзыци, мой спутник. Мы прибыли сюда по просьбе Синтяня, дабы проведать Си-ван-му.

— Синтянь... Хм, Синтянь... — задумчиво пролепетал Сяо Ли, легонько перебирая лапками по рукаву Шэнь Цинчжоу. — Ох, как же это было давно. Я уже и лица его толком не помню.

— Да, — мягко согласился Шэнь Цинчжоу. — Минуло слишком много лет.

Он выдержал паузу и осторожно спросил:

— Синекрылый вестник, скажи, как поживает владычица Си-ван-му? Все ли у нее благополучно?

Догадаться о происхождении гостя было несложно — подле великой богини Запада спокон веков неразлучно пребывали лишь Три Синие Птицы.

Услышав это обращение, Сяо Ли обиженно надулся, и перья на его спинке забавно взъерошились:

— Почтенный Куньюй, сколько можно! Меня зовут Сяо Ли! Вы опять перепутали меня с братиком Синей Птицей!

В свите Си-ван-му действительно состояли три чудесных пернатых создания: старший Да Ли, младший Сяо Ли и их названный брат Синяя Птица.

Шэнь Цинчжоу слегка растерялся, но быстро нашелся: ласково погладил взъерошенного малыша по спинке кончиком пальца и виновато улыбнулся:

— Прости, моя оплошность. Слишком долго мы не виделись, вот память и подвела.

— Да знаю я, знаю. Стоит прожить на свете подольше, и половина вещей вылетает из головы, — великодушно проворчал Сяо Ли. Он вспорхнул, сделав короткий взмах крылышками, и добавил: — Наша госпожа все еще пребывает в глубоком сне. Старший Да Ли и зверь Каймин неусыпно охраняют ее покой, так что... все должно быть хорошо. Наверное?

Шэнь Цинчжоу на миг лишился дара речи. Как так получается, что и Си-ван-му погружена в сон?

Неужели в этих бескрайних землях не осталось ни единого божества, которое бодрствовало бы, не считая Ди Цзюня и Сихэ из Великих Пустошей?

— Но Синтянь уверял, — поспешил объяснить Шэнь Цинчжоу, — будто истинная душа богини исказилась. Он не на шутку встревожен и просил нас во что бы то ни стало во всем разобраться.

— Что?! — Сяо Ли испуганно захлопал крыльями, а его круглые темные глазки расширились от ужаса. — Но если бы госпожа утратила власть над Цюнцюзэ, старший Да Ли тотчас дал бы мне знать!

Мэн Сю, доселе молча слушавший их разговор, подался вперед и спросил:

— Цюнцюзэ? А это еще что такое?

<http://bllate.org/book/18428/1867395>